

Эпохи. Периоды. Этапы	Всемирная история	История России	История Беларуси
		(1993–1999 гг.)	неокоммунизм (1996–2015 гг.)
2.2		либеральный патриотизм (1999–2012 гг.)	
3.	послевоенный период (1945–1975 гг.)	национальный патриотизм (2012 г. – по наст. время)	национальный патриотизм (2015 г. – по наст. время)
4.	современный период (1975 г. – по наст. время)		

Примечание: ВРБДР – Великая Российская буржуазно-демократическая революция.

Снова возвращаясь к уважаемому **А.Н. Нестеренко**, отметим, что многие великие и известные философы прошлого высказывались неоднократно об **истории как о науке**. Это Дж. Вико, И.Г. Гердер, О. Конт, Г.В.Ф. Гегель, Г. Риккерт, О. Шпенглер, М.Я. Данилевский и другие [13, с. 3–21]. Наконец, история как наука (именно так!) востребована сегодня практически во всех государствах, и мы в этом не исключение. Речь идёт о **политике памяти** и **исторической политике** – принятом на государственном уровне видении истории своего народа, своей нации [14, с. 128]. И в России, и в Беларуси, и в СНГ, во всех бывших республиках разрушенного внешними силами и «пятой колонной» изнутри СССР задача конструирования собственной национальной истории вышла на первый план. Без истории как науки и без историков-профессионалов государству здесь не обойтись. Историка снова востребованы державой именно как учёные

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. IX. Материалы разных лет. – М., 1990. – С. 375.
2. Ясперс, К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1991. – С. 240.
3. Ракитов, А.И. Историческое познание / А.И. Ракитов. – М., 1982. – С. 12.
4. Маркс, К., Энгельс, Ф. Соч. – Т. 3. – С. 16.
5. Ленин, В.И. Поли. собр. соч. – Т. 25. – С. 133.
6. Историк-марксист. – 1929. – № 14.
7. Иванов, В.В. Соотношение истории и современности как методологическая проблема / В.В. Иванов. – М., 1973. – С. 69.
8. Методология истории: учебное пособие для студентов вузов / под ред. А.Н. Алпеева и др. – Минск, 1996. – С. 26.
9. Плеханов, Г.В. Избранные философские произведения / Г.В. Плеханов. – М., 1956. – Т. 1. – С. 537.
10. Чернышевский, Н.Г. Поли. собр. соч. – Т. 2. – С. 111.
11. Историческая наука. Вопросы методологии. – М., 1986. – С. 161–162.
12. Нестеренко, А.Н. Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии / А.Н. Нестеренко // Вопросы истории. – 2019. – №4. – С. 57–66.
13. Искандеров, В.В. Два взгляда на историю / В.В. Искандеров // Вопросы истории. – 2005. – №4. – С. 3–21.
14. Миллер, А.И. Политика памяти и историческая наука / А.И. Миллер, О.Ю. Машнова, Д.В. Ефременко // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 128–140.

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ РЕФОРМЫ 19 ФЕВРАЛЯ 1861 ГОДА В МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ (ДИССЕРТАЦИИ 1940–1950-х гг.)

Кащенко С.Г. (г. Санкт-Петербург, Россия)

В августе 1949 г. известный московский специалист в области исторической географии и экономической истории В.К. Яцунский в статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории», отметил, что «крупные мероприятия правительственной политики являются ... кругом проблем, где локальные исследования могут много внести света в анализ этой политики и её результатов в масштабе всей страны. Местные историки ряда городов правильно учли это, и ... подвергли изучению в губернском масштабе ликвидацию крепостного права. Желательно, чтобы при изучении реформы 1861 г. исследовательская энергия авторов сосредоточивалась ... на конкретных результатах реформы. Безусловно, желательна широкая разработка уставных грамот» [14, с. 110]. Вскоре стало ясно, что призыв В.К. Яцунского попал на уже подготовленную почву [8, с. 105]. К этому времени интерес к уставным грамотам проявляли сразу несколько историков, появился ряд работ, основанных на этих редко использовавшихся ранее документах, регламентировавших процесс освобождения крестьян.

Особое место среди таких исследований заняло изучение последствий реформы в Московской губернии, сыгравшей важную роль в экономическом и политическом развитии дореволюционной России. К концу 1940-х – первой половине 1950-х гг. советские историки уже имели научный задел в работах, посвященных отмене крепостного права в этой губернии, что в дальнейшем нашло отражение в нескольких кандидатских диссертациях.

Первой из этих работ, стала подготовленная в конце 1940-х гг. и защищенная в феврале 1950 г. в Московском государственном педагогическом институте имени В.И.Ленина диссертация Г.В. Ильина «Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии» [5]. Появление этого исследования можно считать глубоко символическим. Научным руководителем диссертанта был профессор И.И.Полосин. Он и В.И. Бочкарев стали «пионерами в области изучения уставных грамот» среди советских историков и еще в 1926 г. организовали сбор и обработку этих документов силами студентов Ярославского педагогического института [3, с. 18]. Работа не была завершена и полностью не опубликована. Возможно, одной из причин этого мог послужить арест И.И. Полосина в 1930 г. в связи с т.н. «Академическим делом» и последующая его высылка. Через два десятилетия дело учителя по изучению уставных грамот было продолжено в исследовании ученика.

Работа Г.В.Ильина открыла ряд диссертаций, посвященных реформе в Московской губернии. Конечно, на ней лежал отпечаток непростого периода в развитии отечественной исторической науки конца 1940-х гг. Это, в частности, нашло отражение в историографическом разделе, где непропорционально много места отведено перечню работ классиков марксизма-ленинизма и И.В.Сталина. Переходя к исследованиям современных ему отечественных историков, Г.В.Ильин рассмотрел публикации, в той или иной степени затрагивавшие отмену крепостного права в Московской губернии. Интерес представляет анализ работы И.И. Полосина [11], посвященной реформе в Верейском уезде, и предпринятой им в учебных целях публикации «первичной сводки» десятка уставных грамот Московского уезда, копии которых хранились в 1939-1940 гг. в Московском областном краеведческом музее [12], статей Н.М.Дружинина [1,2] и В.И.Пичеты [10].

Несомненно, наиболее ценная часть диссертации связана с анализом 566 уставных грамот двух уездов из фондов Московского государственного областного исторического архива, что, по мнению автора, позволило «создать полную картину о ходе и результатах крестьянской реформы в Московском, столичном уезде, и Коломенском, наиболее оброчном из всех уездов Московской губернии, и кроме того, извлечь не лишние интересные факты, касающиеся дореформенного экономического развития Московской губернии, материалы о крестьянском движении в связи с введением уставных грамот и другие данные» [5, с. 113-114].

Заметное место было уделено Г.В.Ильным источниковедческому анализу уставных грамот, в котором он остановился на достоинствах и недостатках отдельных глав этого документа. Отметим, что наиболее существенным недостатком, отмеченным диссертантом, было то, что «глава о размерах крестьянского землепользования заполняется иногда «глазомерными» данными не только для дореформенной, но и пореформенной эпохи. Данные инструментальной съемки отличались от глазомерной иногда на 10-15%» [5, с. 122].

На основании грамот автором была получена подробная таблица, содержащая цифровые данные о численности тяглых и дворовых крестьян, отпущенных, наделенных землей и не подлежащих наделу. Особый интерес представляют детальные сведения о том, куда московские помещики переводили своих крепостных после 10-й ревизии и откуда они переводились в московские поместья [5, с.238]. Особенностью диссертации также стало сравнение ситуаций, сложившихся в помещичьей, удельной, дворцовой и государственной деревне.

Между тем, в диссертации были и достаточно спорные положения. Они, в частности, обращают на себя внимание при чтении тех ее разделов, которые были посвящены крестьянским наделам. Так, автор с неоправданной в этом случае точностью, до саженей, рассчитывает суммарные и средние размеры наделов в уездах до и после реформы. В дальнейшем, используя разницу в этих данных, он приходит к выводам о размерах главного для него показателя – отрезки крестьянской земли в ходе реформы. Однако, как показывает опыт работы с уставными грамотами, дореформенные наделы в них указывались неточно не только в связи с упомянутыми выше погрешностями в измерении, но и потому, что в их состав (и на это указывают формулировки) могли входить удобные и неудобные земли, допускались различные «округления» размеров, или последние могли вовсе не указываться. После реформы крестьянские наделы (только удобная земля) указывались с достаточной точностью. Если же из неточных размеров дореформенных наделов вычитать точные пореформенные получают показатели «отрезки», значительно превышающие реальную.

Тем не менее, безусловно интересны расчеты средних, произведенные по отдельным волостям уездов. На наш взгляд, группировка по волостям, хотя и требует больших затрат, может приносить весьма содержательные результаты.

Сравнивая средние размеры наделов, Г.В. Ильин пришел к выводу, что в Московском уезде было отрезано 8,94% земли [5, с.245], в Коломенском -17,31%[5, с.316]. По отдельным имениям отрезки доходили до 70-80% [5, с. 302]. Отметим, что в этих расчетах присутствует еще одна неточность. Строго говоря, полученный Г.В. Ильным показатель нельзя назвать процентом «отрезки». Это процент «изменения» в наделах, который суммировался из отрезков и прирезок земли (последние случаи также встречались). Складывается впечатление, что автор *a priori* был нацелен на то, что бы описать именно процесс сокращения наделов. В качестве доказательства этого тезиса приводятся многочисленные конкретные примеры ограбления крестьян помещиками.

На наш взгляд, в этой диссертации интересны «прообразы» вариационных рядов, которые строятся сегодня с использованием компьютеров современными исследователями. Они позволяют «вчерне» увидеть распределение крестьянских наделов после реформы. Если бы автор рассчитал ряды и для дореформенной земли, их можно было бы сравнить и получить представление о трансформации в процессе реформы структур крестьянских наделов.

Еще один важный процесс, изменение размеров крестьянских платежей, также описан автором с одной стороны. Современные исследования убедительно показывают, что практически везде в помещичьей деревне сокращения наделов и платежей шли параллельно. Если первое было явно невыгодно для крестьян, то второе приносило им известную выгоду. Однако степень сокращения крестьянских платежей из диссертации понять невозможно. Автор только вскользь упоминает, что «оброк мало изменился...» [5, с. 364].

В последних разделах работы Г.В.Ильин постарался провести параллели с другими уездами Московской губернии, где «помещики грабили крестьян не хуже, чем в Московском и Коломенском» [5, с. 332], ссылаясь на ряд примеров и данные опубликованной статистики. Особое внимание автора привлекают случаи крестьянских волнений в связи с реформой. Он приводит десятки интересных и информативных примеров освобождения крепостных, где, однако, упоминались только случаи «ограбления» и «притеснения» крестьян со стороны помещиков, которые вызывали ответное сопротивление.

По сути дела, продолжением работы, начатой Г.В. Ильиным, стала диссертация С.С.Филипповой «Осуществление реформы 19 февраля 1861 года в Московской губернии (По материалам Бронницкого и Рузского уездов)», написанная под руководством профессора К.В. Сивкова и защищенная в 1953 г. в Институте истории АН СССР [13]. Уже на первых ее страницах автор отмечает, что «основные главы диссертации ограничены 1861-1863 гг., а территориально Рузским и Бронницким уездами, что позволило вскрыть хищнические приемы обезземеливания крестьян помещиками, выяснить размеры отрезков» [13, с.6]. Таким образом, здесь с самого начала поставлена вполне определенная исследовательская задача с предсказуемым решением. Выбор уездов определялся тем, что Рузский – был «наиболее земледельческим с преобладающей барщинно-оброчной формой эксплуатации», а Бронницкий – «наиболее промышленным с господствующим оброчным помещичьим хозяйством».

Основным источником для работы С.С.Филипповой стали 485 грамот. Сравнивая свое исследование с диссертацией Г.В.Ильина, она отмечает, что написала принципиально новый раздел «Экономика Московской губернии накануне отмены крепостного права в 1861 г.», который позволяет лучше понять экономическую ситуацию в помещичьей деревне, проанализированную затем в разделе «Результаты проведения реформы по уставным грамотам Рузского и Бронницкого уездов».

Рассматривая уставные грамоты, она, как и Г.В.Ильин, использует группировку данных по некоторым волюстям при анализе изменения состава крепостного населения и наделов крепостных крестьян. Однако в работе прослеживаются и важные новации. Так, появляются группировки владений по размерам и формам эксплуатации крепостных, указания о наличии в отдельных имениях и волостях прирезки земли [13, с.256-270]. Между тем и в этой работе еще нет полного понимания того, что «изменение» размеров наделов, которое изучает автор, складывается путем «сложения» отрезки и прирезки. Методика расчетов последних, аналогична той, которая была предложена Г.В. Ильиным.

Анализируя документы, автор ставит весьма важную задачу, связанную с определением размера т.н. «занадельной земли», т.е. той части земли в имении, которая находилась до и после реформы в непосредственном распоряжении помещика. Таким образом изучаются последствия реформы не только для крестьян, но и для помещиков. И, наконец, производя расчеты крестьянских повинностей, С.С.Филиппова рассчитывает не только их размеры на душу м.п., но и на десятину удобной земли. Это позволяло сопоставить два процесса: сокращение наделов и изменение крестьянских платежей. [13, с. 322-331].

Как и в работе Г.В.Ильина, автор значительное место уделяет изучению крестьянских волнений, происходивших в процессе реализации реформы.

Завершением «цикла» диссертаций, посвященных экономическим последствиям реформы, стала новаторская работа Б.Г.Литвака «Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г.», защищенная в 1956 г., под руководством профессора В.К.Яцунского в Московском государственном историко-архивном институте [9]. Заслуга Б.Г.Литвака состояла в том, что он впервые в отечественной историографии ввел в научный оборот большой сплошной массив уставных грамот. Всего им была обработано 2045 документов по 9 из 13 московских уездов (остальные 4 были изучены Г.В.Ильиным и П.П. Филипповой) [9, с.65]. Работа с таким объемом документов потребовала разработки нового формуляра для формализации данных и новых методов исследования.

Историографический обзор в диссертации содержит *действительно необходимый* для понимания ситуации анализ дореволюционных работ и исследований советских ученых. Он лег затем в основу статьи Б.Г.Литвака, написанной для журнала «История СССР» накануне 100-летнего юбилея реформы [8].

Значительное место в работе уделено истории разработки формуляра уставной грамоты в Редакционных комиссиях и ее содержанию. Автор сравнил информационный потенциал грамот с другими, прежде всего опубликованными, статистическими источниками по истории реформы.

И, наконец, в работе была предложена новая методика изучения уставных грамот, которая существенно отличалась от разработанных ранее и ставшая новым шагом в деле изучения реформы. Эта методика, содержащая многие положительные моменты (хотя, на наш взгляд, и не лишенная недостатков) [6, с. 25-33] была позднее разработана автором в работе над фундаментальной монографией по истории реформы в Черноземном центре страны [7].

Прежде всего, в работе Литвака дается аргументированное обоснование репрезентативности сохранившегося фонда уставных грамот путем сравнения с другими официальными статистическими материалами XIX в.

Рассматривая отдельные разделы уставных грамот, он считает, что в целом «те данные, которые поддаются статистической обработке», достоверны и могут быть использованы для изучения конкретных фактов «массового ограбления крестьян» [9, с. 51].

Автор практически отказался в тексте диссертации от анализа ситуации на уровне волостей и провел группировки по формам эксплуатации и по размерам имений, обобщая результаты по каждому уезду и по губернии в целом [с. 73].

Такой способ интересен и был бы обоснован, если бы автор при анализе размеров имений мог бы учесть *все владения* помещика, находящиеся в нескольких местах. Если в пределах Московской губернии еще можно найти имения одного помещика в разных уездах, то на основании московских документов, которыми пользовался Б.Г.Литвак, сделать это в рамках всей империи нельзя. Такая возможность представляется современным исследователям только в наше время после проведения работы по сканированию дел Главного выкупного учреждения МВД сотрудниками РГИА и Президентской библиотеки в Санкт-Петербурге.

При расчетах, связанных с крестьянскими наделами и платежами, автор диссертации сделал существенный шаг вперед. Он акцентировал внимание не только на отрезках, но и профессионально рассчитал прирезки крестьянской земли, а также сделал важный вывод о том, что в 33% изученных им грамот в размерах крестьянской земли не было никаких изменений [9, с.226]. Однако в работе не было дано убедительного объяснения того, как рассчитывались размеры крестьянской земли до реформы, насколько расчеты точны и адекватно описывают ситуацию. Автор высказывает предположение, что погрешностями, которые имеются в уставных грамотах можно пренебречь [9, с.51].

Что касается повинностей крестьян, то здесь автор показал их снижение в расчете на душу м.п. и увеличение в расчете на десятину земли [9, с.236].

Можно констатировать, что в рассмотренных выше диссертационных исследованиях, которые до сегодняшнего дня остаются крупнейшим вкладом в историографию реформы на территории Московской губернии, был поставлен и частично решен ряд важных исследовательских задач:

- 1) Детально проанализирована историография проблемы.
- 2) Изучен процесс подготовки реформы, выяснена реакция крестьян и помещиков на опубликование Положений 19 февраля 1861 г.
- 3) Дано подробное описание экономического состояния губернии в целом и отдельных ее уездов накануне реформы.
- 4) Рассмотрен широкий спектр источников, на основании которых можно получить представление о ходе реализации реформы. Тщательно изучен массив уставных грамот (его состав и достоверность), написана история разработки их формуляра.
- 5) Предложены и апробированы различные методики анализа документов.
- 6) Детально проанализированы различные формы протеста помещичьих крестьян против «грабительских» условий реформы. Приведены сотни примеров реализации реформы в отдельных имениях

Тем не менее, остались открытыми вопросы, связанные с расчетом *точных* размеров дореформенных наделов и платежей и, следовательно, с величиной отрезки и прирезки земли. Не были определены с необходимой степенью детализации *структуры* дореформенных наделов и платежей до и после реформы и, таким образом, осталась неизвестной степень трансформации этих структур. Не выяснены до конца последствия реформы (как положительные, так и отрицательные) для различных групп крестьян, в зависимости от расположения имений, качества земли, форм эксплуатации, неземледельческих занятий, менталитета помещика. Не построена модель наделения крестьян землей и установления повинностей после реформы. Ряд показателей требует проверки и, скорее всего, понадобится их корректировка. Решить эти проблемы позволит новое исследование уставных грамот Московской губернии с применением современных компьютерных технологий, которое проводится в настоящее время при поддержке РФФИ (Проект № 19-09-00365 а).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружинин, Н.М. Москва накануне реформы 1861 г./Н.М.Дружинин // Вестник МГУ. -1947. -№ 9. – С.41-60.
2. Дружинин, Н.М. Московское дворянство и реформа 1861 года/ Н.М. Дружинин // Известия Академии наук СССР. Серия История и философия. -Т.5. -1948.- №1. – С.62-78.
3. Зайончковский, П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г./ П.А.Зайончковский. – М.: Изд-во соц.-эконом. литературы, 1958. -467 с.
4. Зайончковский, П.А. Советская историография реформы 1861 г./ П.А.Зайончковский // Вопросы истории. – 1961.-№ 2.- С.85-104.

5. Ильин, Г.В. Аграрная реформа 1861 года в Московской губернии: дис. ... канд. ист. наук / Г.В.Ильин; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина. – М., 1950.- 399 с.
6. Кащенко, С.Г. Орловская деревня в начале 60- гг. XIX века. Экономические последствия освобождения крестьян / С.Г.Кащенко. – СПб. -Брянск: Изд-во «Курсив», 2013.- 340 с.
7. Литвак, Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 года: Черноземный центр 1861-1895 гг. / Б.Г.Литвак. – М.: Наука, 1972. – 423 с.
8. Литвак, Б.Г. Советская историография реформы 19 февраля 1861 года / Б.Г.Литвак // История СССР. – 1960.- № 6.- С.99-120.
9. Литвак, Б.Г. Уставные грамоты Московской губернии как источник по истории реализации «Положений» 19 февраля 1861 г.: дис. ... канд. ист. наук / Б.Г. Литвак; Моск. гос. ист.-арх. ин-т.- М., 1956.- 341 с.
10. Пичета, В.И. Вопрос о перенесении усадеб крестьян в Московском губернском комитете в 1858 г. / В.И.Пичета // Ученые записки Ин-та РАНИОН. – 1929. – Т.4. – С. 194-205.
11. Полосин И. И. Шуваловщина в 1858–78 гг. (Из истории аграрной реформы в Верейском уезде Московской губернии) / И.И.Полосин // Труды общества изучения Московской области. – 1930.- Вып. 6.- С.7-50.
12. Пособие для практических занятий по истории СССР / ред. И. И. Полосин. – [Б. м.] : [б. и.].- 1940. – Вып.2. – 136 с.
13. Филиппова, С.С. Осуществление реформы 19 февраля 1861 года в Московской губернии (По материалам Бронницкого и Рузского уездов: дис. ... канд. ист. наук / С.С.Филиппова; Инст. ист.АН СССР. – М., 1953. – 423 с.
14. Яцунский, В.К. Изучение местной истории в СССР (Обзор по РСФСР, УССР и БССР за послевоенные годы) / В.К.Яцунский // Вопросы истории. – 1949.-№ 8. С.74-112.

У ИСТОКОВ БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕРМАНИСТИКИ (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Чикалова И.Р. (г. Минск, Беларусь)

Белорусская историческая германистика имеет свою, уже достаточно протяженную во времени, традицию. Она берет начало в XIX столетии. И это утверждение не опровергает факт отсутствия на территории белорусских губерний после закрытия Виленского университета классических высших учебных заведений. Талантливая молодежь устремлялась за получением высшего образования в российские университетские города и уже там вливалась в научную элиту страны. Таков был вектор биографий М. С. Куторги, М. Г. Петрова, С. Г. Лозинского, А. Л. Погодина, А. И. Анекштейна, имевших отношение к разработке вопросов германской истории.

В Российской империи центрами распространения информации о зарубежных странах, проведения исследований о них были университеты – Московский, С.-Петербургский, Дерптский (Юрьевский), Казанский, Харьковский, Варшавский и открытый сразу после закрытия Виленского Киевский. Благодаря принятию университетского устава 1835 г. в них создались благоприятные условия для изучения всеобщей истории. Увеличивалось количество профессоров и кафедр, а, главное, – вводилась практика двухгодичных стажировок для молодых учёных за границей. Кроме того, при Дерптском университете был создан Профессорский институт для подготовки преподавателей высшей школы, в том числе по всеобщей истории. Институт дважды, в 1828 и 1833 гг., набирал слушателей. Так в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Казани, Харькове начали складываться страноведческие направления в области всеобщей истории, во главе которых встала молодая профессура, прошедшая стажировки в европейских университетах [31].

Первым российским профессором всеобщей истории стал родившийся под Могилевом, выпускник Профессорского института при Дерптском университете *Михаил Семенович Куторга* (1809–1886), преподававший в Петербургском (в 1835–1869 гг.), затем в Московском (в 1869–1874 гг.) университетах. Он вместе с Т. Н. Грановским, занимавшим с 1839 по 1855 г. кафедру в Московском университете, заложил традиции изучения и преподавания в высшей школе зарубежной истории, воспитал кадры историков-всеобщников. Куторга занимался античностью, но одна из первых работ по германской истории в российской историографии – «Политическое устройство германцев до шестого столетия» (1837) [9] – принадлежит ему.

Будущую профессуру из наиболее одаренных выпускников университетов для подготовки диссертаций направляли за государственный счет в длительные командировки по научным центрам Европы. Особенно актуальными такие командировки были для тех, кто готовился к чтению лекций по зарубежной истории. Естественно, для стипендиатов было полезным еще до поездки познакомиться с историей и особенностями организации учебного процесса в западных университетах. Такая возможность появилась благодаря работам педагога *Викентия Васильевича Игнатовича* (1803–1869), которого можно считать первым российским историком западноевропейских университетов. Он закончил Педагогический институт при Виленском университете. Получив степень магистра, с 1824 г. работал в Могилевской гимназии, с 1834 г. – смотрителем Молодечненского уездного училища для дворян, с 1839 г. – инспектором Гродненской губернской гимназии. С 1849 г. и до конца жизни он жил и работал на разных должностях в С.-Петербурге. Параллельно писал работы по истории европейских университетов. В 1862–1864 гг. «Журнал Министерства народного просвещения» в девяти номерах напечатал работу Игнатовича «Немецкие университеты в развитии их исторической и современной жизни»,